ГЕНАДИЙ КУМОХИН

КУДА УХОДИТ СПАТЬ СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Геннадий Кумохин

Куда уходит спать северный ветер

https://litres.ru/74829057
SelfPub; 2026

Аннотация

Профессиональный философ ищет и находит себя в условиях кардинального слома социальной системы страны.

Все персонажи вымышленные. Любые совпадения, в том числе имена и фамилии героев повествования с реальными людьми, совершенно случайны.

Исторические события достоверны.

Автор является собственником архива фотографий, используемых для обложек книг.

Содержание

Время Оттепели и Застоя. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Геннадий Кумохин
Куда уходит спать северный ветер

Время Оттепели и Застоя.

Песня из репертуара чешского певца Карела Готта:
Tam, kam chodí vítr spát,
Tam já cestu znám.
Tam, kam chodí vítr spát
V údolí svůj domov mám.

Вольный перевод:

Там, куда уходит ветер спать,
Знаком я с этой дорогой.
Там, куда уходит ветер спать,
Она ведет к моему порогу.

На одном из Московских кладбищ можно встретить довольно скромную по теперешним меркам могилу. Установленный на ней надгробный камень выглядит особенно орди-

нарно по сравнению с анфиладой шикарных надгробий, скажем, на центральной аллее Востряковского кладбища столицы.

Черный камень, огромные, выше человеческого роста надгробия и плиты, а порой и аляповатой формы беседки - все впечатляет на этой выставленной напоказ посмертной ярмарке тщеславия. Безусловно, в них вложены большие деньги.

Наверное, суммы должны были быть и вовсе колоссальными, если бы не сомнения в натуральности использованного мрамора. Ведь времена, когда Микеланджело мог вытесать своего Давида из одного камня, давно прошли.

А я снова возвращаюсь к найденной в интернете фотографии заинтересовавшей меня могилы. В ней похоронена одна семья: отец, мать и сын. У каждого из них одна и та же фамилия.

Отец, герой-фронтовик, генерал.

Сын, доктор философии, писатель.

Сегодня я буду думать о сыне. Признаться, мне он близок не только как ровесник, но и как мыслящий человек, переживший вместе со всеми нами катастрофу страны. Искавший и нашедший себя в период распада духовных ценностей.

Я назову его Левин Владимир Николаевич. К сожалению, я не был с ним знаком при жизни. Да и чем я мог поддержать

его тогда? Но я чувствую за собой долг перед ним, как и перед многими, кто ушел раньше своего срока. И я постараюсь честно этот долг вернуть.

Как мне кажется, было бы не совсем правильно пытаться свести все обстоятельства жизни философа и писателя к личным событиям. И оставить в стороне жизнь страны, в которой родился мой герой. Писатель и философ интересен прежде всего тем, что и как он написал, а потом уже всем остальным.

И пусть, может быть, кто-то заподозрит, что я «писал» своего героя с совсем другого человека, я отвечу ему так:

- Может быть, Ваш герой и не делал этого. а мой герой Левин В. Н. поступил именно так.

Как писал Маяковский: «Я поэт. Этим и интересен». Существует определенная логика развития каждой профессии, а философии в особенности, в рамках которой только и может развиваться автор, чувствуя себя субъектом, то есть имея право выбора.

Мне представляется крайне увлекательной задача проследить за тем, как меняется мировоззрение человека под влиянием социальных катаклизмов. Причем проанализировать это не на примере обыкновенного человека, как было принято говорить в позапрошлом веке - обывателя, а на примере реально существующей незаурядной личности - философа и писателя.

Поскольку я не был знаком ни с Владимиром Николаеви-

чем, ни с кем бы то ни было из его родных и друзей, постараюсь воспользоваться для описания его личности единственным, что у меня есть: гороскопом А. С. Вронского, составленным для Водолеев.

Тем более, что сам Владимир Николаевич в одной из книг соглашался с точностью характеристики его личности в данном гороскопе.

Итак, о философе в терминах его профессии и о писателе, ни на минуту не забывая о судьбе страны, - вот о чем хотелось бы мне рассказать.

Маленький Володя родился, можно сказать, в рубашке. Он, ребенок войны, появился на свет в далеком Сибирском городе. Его отец, политработник, прошел всю войну, стал генералом и был на командных должностях еще почти двадцать лет.

Страна, в которой жил Володя - Советский Союз, была, по существу, уже сословным государством

Из гороскопа А.С. Вронского:

«Такой ребенок для родителей просто Божья благодать, если только они не из мещанской среды с ее традициями или не придерживаются каких-либо предвзятых взглядов. В этом случае инфаркт им обеспечен, так как они найдут у своего чада все, кроме того, о чем когда-то мечтали задолго до его рождения».

Володя рос тихим и спокойным ребенком. Он с детства не отличался крепким здоровьем, был маленьким, щуплым и не

любил драться. Но зато прекрасно учился и подавал большие надежды, как в естественных, так и в гуманитарных дисциплинах.

Как это знакомо мне и многим моим сверстникам, и множеству тех, кто был до нас и будет после нас. Словно какая-то неведомая сила вдруг вырывает из привычного окружения того, кто еще недавно был просто милым юношей или славной девчушкой, и властно призывает служить тому еще неведомому и таинственному, но уже чарующему, что посвященные называют - Знание.

Какая судьба ожидает тех, кто готов все отдать ради чистого познания? Стать монахом, утопистом, философом? Это все зависит от того, в какой стране живет неофит и каковы потребности общества в его нравственном подвиге.

Юность Володи, ровно, как и моя собственная, прошла в период Оттепели в Советской стране, когда всем нам еще казалось, что мыслители нужны ей так же, как и инженеры.

Родители не могли нарадоваться на успехи сына до тех пор, когда лет в 14 он не заявил, что не пойдет по стопам отца, а решил стать философом. Он объявил об этом спокойно, но таким решительным тоном, какого ни отец, ни мать от него никогда не слышали. Мать поворчала, но в конце концов согласилась с этим странным решением сына. А отец, большой начальник, не привык, чтобы его решения оспаривали подчиненные или домашние. Но и он по прошествии времени был вынужден примириться с проявленным свое-

волием. Хотя им обоим: и отцу, и сыну, вынужденное примирение далось нелегко.

Из гороскопа А.С. Вронского:

«Водолеи - это идеалисты и утописты, философы и социальные мыслители, это революционеры, бунтари и мятежники - в зависимости от их духовного уровня».

В отличие от Владимира Николаевича я не находил и не нахожу в своих гороскопах даже среднестатистического сходства с моим характером и судьбой. У меня не было и не могло быть ничего общего в юности с Владимиром Николаевичем, кроме того, что мы жили в одной стране и в одну историческую эпоху. Но, как это ни странно, мы оба «заболели» одним и тем же почти неизлечимым недугом: тягой к Знаниям.

Владимиру Николаевичу, вероятно, удалось добиться исполнения своей мечты самостоятельно, не прибегая к помощи отца. Я не знаю, чем он занимался после окончания школы вплоть до поступления в университет.

В то время в стране существовала масса предубеждений против гуманитарной интеллигенции. Как писал поэт: «Что-то физики в почете. Что-то лирики в загоне».

Для поступления на философский факультет МГУ, как и в другие гуманитарные ВУЗы, необходим был двухлетний трудовой стаж. Или, это касалось только ребят, обязательная служба в армии. Вдумчивый юноша поступил в МГУ, правда для этого ему потребовалось гораздо больше времени, чем

при зачислении в технический ВУЗ.

Я же выбрал для себя другой путь, решив прежде поступить в любой технический ВУЗ и параллельно заниматься самообразованием. На втором курсе института я познакомился с преподавателем философии Аникеевым Семеном Павловичем, который, заметив мою тягу к философским знаниям, спустя некоторое время предложил мне возможность поступить в философскую аспирантуру в моем институте.

Я вспоминаю разговоры, которые вел со мной в это время Семен Павлович. Мы никогда с ним не разговаривали на личные темы. Я не склонен был раскрывать свою душу, а он и не лез с расспросами. Мы говорили всегда о философии и иногда об искусстве.

Тогда, в конце шестидесятых, я сразу и безоговорочно принял тезис Аникеева о том, что сущностью человека является творчество, с которым он отождествлял также возникновение эстетического чувства у человека.

Несмотря на то, что по мере знакомства с философской литературой, мне понемногу становилась понятна наивность и прекраснодушие этих утверждений, я готов был всемерно их отстаивать, потому что они как нельзя близко совпадали с моими жизненными устремлениями. И сквозь эту призму привык рассматривать философские проблемы.

Именно поэтому «теория отражения», как основы познания, вызывала у меня скептическое отношение.

- Если все сводится только к «отражению», - размышлял я, - то откуда взяться «творчеству» в этом процессе?

Но венцом моего неприятия являлось утверждение, что сущностью человека является «совокупность общественных отношений».

Как же так? - не мог согласиться я, - ведь это определение соответствует только абсолютно конформистской модели человека, а откуда же тогда берутся люди, не согласные с этими «общественными отношениями» - ученые и революционеры?

Мои попытки стать философом потерпели крах в средине 70-х, что, возможно, и к лучшему, потому что навряд ли с такими суждениями у меня в те годы была перспектива.

Поэтому я могу судить о проблемах философии исключительно как дилетант.

По окончании университета Валерию Николаевичу поддержка отца все-таки потребовалась. Кандидатскую диссертацию он защитил уже через три года в Военно-политической Академии по теме образности и наглядности в преподавании марксистско-ленинской философии в высших военных учебных заведениях. С такой универсальной формулировкой это могла бы быть диссертация и по истории, и по военному делу, - словом, по чему угодно. Главное, чтобы была поддержка в диссертационном совете.

А такая поддержка у Володи, к тому времени Владимира Николаевича, несомненно была.

И гарантией такой поддержки не мог не выступать отец, опытнейший и заслуженный политработник, генерал.

Однако, хватит об этом. Ведь он же не виноват, что отец занимал высокий пост в Армии. Важнее другое, как распорядился человек данными ему от рождения преимуществами.

Наличие ученой степени очень высоко котировалось в советском обществе. Вплоть до того, что человеку с ученой степенью было положено больше квадратных метров жилья, нежели простому смертному. Неслучайно поэтому ради вожделенной диссертации, «кирпича» на тогдашнем жаргоне, некоторые были способны на многое.

Но давайте продолжим разговор о судьбе Владимира Николаевича. В неполные тридцать лет он стал кандидатом философии, и все дороги в этой сфере, казалось, лежали перед ним открытыми. Но это только казалось.

Шел 1971 год. В стране заканчивалась та чудесная пора внезапно появившейся открытости, которую годы спустя стали называть Оттепелью.

Не только искусство, но и вся культура в целом переживали тогда подъем и находились в поиске нового. Его творцы в большинстве своем верили в гуманистическое будущее окружающей действительности.

В период наступившей реакции, сопровождавшей эпоху Застоя, была утрачена именно эта Вера. Ее можно было назвать как угодно: Верой в прогресс, в светлое будущее, в по-

беду социализма, наконец. Но именно с этой Верой было покончено. Обществом все больше овладевала апатия, а в различных слоях элиты непрерывно росла нескрываемая жажда наживы, ерничество, а порой и откровенное глумление над официальной пропагандой.

С началом Застоя окно возможностей в философии резко сузилось. Та часть марксизма, которая относилась к социальной действительности, называемая историческим материализмом, была настолько выхолощена официальной идеологией, что в философской среде к ней существовало совершенно явное предубеждение.

Наверное, это была ошибка, вытекающая из профессионального снобизма. Как бы то ни было, для большинства философов единственно достойной признавалась только диалектика.

Так повелось еще со времен «логического кружка», в который в СССР объединились самые светлые умы того времени. Тогда, в пятидесятые годы, они всерьез рассчитывали, что, овладев законами диалектической логики, откроют многие пути познания действительности.

Так что оставалось дело за малым - познать эти самые сокровенные законы.

И для них, по крайней мере, для некоторых из них, путь этот лежал через добросовестное штудирование произведений Маркса, прежде всего его «Капитала». Но время шло, а законы все никак не давались, словно были заколдованы. И

постепенно у них наступило отрезвление.

С того времени судьба идей «логического кружка» и его участников успела круто измениться. Скоро будет выслан из страны Зиновьев, уедет Пятигорский, уволят из журнала «Вопросы философии» Мамардашвили, покончит с собой Ильенков.

Стоит задаться вопросом: как сложилась бы жизнь нашего философа, не случись со всеми нами всего того, что произошло в последующие годы? Владимир Николаевич, без сомнения, представлял собой образец типичного кабинетного ученого. Он больше десяти лет занимался преподавательской работой, но она явно не привлекала, а, возможно, в чем-то даже стесняла его.

Из гороскопа А.С. Вронского, составленного для Водолеев.

«По темпераменту они сангвиники с большой телесной и духовной подвижностью.

А по характеру они спокойные и терпеливые, мягкие и нежные…».

Общение с большой аудиторией отбирало у него много сил, а, возможно, как это бывает со многими деликатными людьми, надолго выбивало его из того состояния сосредоточенности, которое так ценится творческими людьми. То ли дело сидеть в тиши своего кабинета и свободно общаться с книгами, а в более поздние годы - интернетом, а значит, со всеми умнейшими людьми мира.

В свои самые продуктивные годы философ обладал всем арсеналом знаний и умений, необходимых для успешной работы. Он был исключительно талантлив и прекрасно владел словом. Мог писать на разный манер: от философского, научного до литературного языка. У него был легкий, как бы «летящий» стиль. Его мягкий, я бы сказал, беззлобный, характер давал о себе знать даже в литераторской работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.